

ПУЛЕНЕЦ

ТЕКСТЪ И ТЕМЫ

Н. ШЕБУЕВА.

КУДОЖЕСТВЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КАРНИЗЕТ
Д. И. Котельникова
„ДИКОБРАЗ“

У баррикады. — Начало.

Татьяна.

„Мучитель велѣлъ рѣзать
ей тѣло бритвами, но—чудо!—
изъ ранъ ея текла не кровь,
а молоко, и въ воздухъ рас-
пространялось благоуханіе“.
„Житіе Св. Татьяны“.

Толпа всколыхнулась, какъ гладь океана,
И слышится робкаго шопота всплескъ:
— „Святая Татьяна! Святая Татьяна!“
И дѣва предстала предъ капищемъ. Блескъ
Очей лучезарныхъ, горѣ устремленныхъ...
На пыткой недавней щекахъ утомленныхъ
Играетъ улыбка и волны волосъ
Упали на дѣвственно-чистыя плечи,
И, словно невѣста къ обѣщанной встрѣчѣ,
Татьяна къ Северу спѣшитъ на допросъ.
И вздрогнулъ Северъ. И мелькнула тревога
На властно-безстрастномъ челѣ полубога.
— „Не воля моя-ль ослѣпила вчера
„Святую Татьяну!.. Мои палачи
„Вонзали ей въ очи стальные мечи,
„Ей тѣло стальными когтями съ утра,
„Съ утра до заката терзали. И кровь
„Лилась, обагривая боговъ алтари...
„А нынѣ я вижу сіяніе вновь
„Очей лучезарной улыбкой зари...
„Исчезли слѣды отъ мучительныхъ ранъ!“
И въ мрачномъ раздумьѣ замолкнулъ тиранъ.
И смотреть сердито.
Одѣта въ виссонъ и плащи златотканные,
Замолкла вокругъ раболѣпная свита
Изнѣженной знати. И благоуханная
Курильницы дымкой своей синеватою
Лобзаютъ подножье боговъ алтаря,
Блестящее златомъ, какъ блещетъ заря...
И стелется дымъ надъ толпою, объятаю

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Смущеньемъ и страхомъ. Воскликнулъ Северъ:

— „Святая Татьяна, слѣпа и убога
„Гонимая вѣра въ Распятого Бога,
„А римская вѣра превыше всѣхъ вѣръ!
„Пади предъ богами! Молись у подножя,
„Иль въ пыткахъ найдешь ты жестокой конецъ“!..
— „Да сбудется воля надъ грѣшницей Божія:

Мученья за вѣру—желанный вѣнецъ!..
Умру славословя Небеснаго Бога!..
А идолы ваши—созданья людей,
Созданія мертвыя тлѣна земного —
Изъ мраморныхъ глыбъ, изъ холодныхъ камней!
Красивы они красотой человѣка,
И прокляты будутъ отъ вѣка до вѣка!..“
И чудо свершилось: разрушился храмъ
И падаетъ идолъ къ Татьяны ногамъ.
Толпа всколыхнулась, какъ гладь океана,
И слышенъ народа смущеннаго крикъ:
„Святая Татьяна! Святая Татьяна!
„Великъ твой Распятый! Распятый великъ!“
И восемь вчерашнихъ лютейшихъ гонителей,
Христа славослова, склонились предъ ней
И вѣры Христовой горячихъ ревнителей
Нашла въ нихъ Татьяна. И кровью своей
Крестились всѣ восемь: ихъ кесарь Северъ
Велѣлъ послѣ пытокъ мечомъ обезглавить,
Но въ страшныхъ мученьяхъ Распятого славить
Они не устали. Могучій примѣръ
Терпѣнья Татьяна сама подавала, —
Средь страшныхъ мученій къ нимъ братски зывала:
„Мужайтесь! Мужайтесь! — вамъ въ небѣ награда!
Мученій вѣнецъ — христіанамъ отрада!“
Северъ изрекаетъ все новыя казни:
„Татьяну безславьте! Надъ ней надругайтесь!
Ей бритвами въ перси нагія впивайтесь!..
И вновь ослѣпите!..“ Но все безъ боязни
Она переноситъ и къ небу съ молитвами

Опять устремляетъ взоръ свѣтлыхъ очей:
И молить: „Спаситель, спаси палачей!“
И чудо свершилось: лишь острыми бритвами
Ей въ тѣло впились палачи обнаженное,
Изъ тѣла не кровь — молоко благовонное
На землю струилось, и бѣлыя лиліи
Кругомъ расцвѣтали...
Рука палачей опустилась въ безсиліи,
Уста же шептали:
„Великъ твой Спаситель! Распятый великъ!“
И свѣтомъ небесъ озаряется ликъ
За вѣру, за Бога терпящей Татьяны.
И вдругъ раздается гармонія крыль, —
То ангеловъ хоръ лучезарныхъ закрыль
Крылами ея обнаженныя раны,
Стыдливыя перси и блѣдныя руки...
Но кесарь безумной борьбой ослѣпленный,
Увидя Татьяну опять исцѣленной,
Спѣшитъ ей придумать все новыя муки:
Святую бросали въ темницу ко львамъ,
Ее на высокомъ крестѣ распинали,
Ее зашали, ей въ очи плевали,
Но тщетно... Изъ ранъ—исходилъ ароматъ,
И львы ей лобзали съ покорностью ноги,
И рушились идолы, падали боги
Къ Татьяны ногамъ. Небесами хранимая
Въ мученьяхъ осталась она невредимая...

И Ты, лучезарнаго неба посланница,
Свободная Мысль, отовсюду изгнанница,
Не мало страдала страданьемъ Татьяны:
Сжигала Тебя на кострѣ инквизиціи,
Давила цензура, казаки, полиція,
И чернь побивала камнями рьяно,
Тебя зашали, душили, тиранили,
Тупыми мечами фанатиковъ ранили,
Бросали въ темницу къ двуногимъ звѣрямъ,—
И самъ Галилей къ лже-боговъ алтарямъ
Предъ кликою Мысли тирановъ сплоченною
Склонялся покорно главой обнаженною...
Но чудо свершалось Тобою: отъ вѣка
Какъ будто небесною силой хранимая,
Ты, Мысль, возставала съ костровъ невредимая
И къ небу, какъ прежде, звала человѣка.
Лишь только цѣпями, ручными оковами
Тебя закують, палачами суровыми
Низвергнуть ко львамъ въ подземелье темницъ,
Какъ Ты изъ темницы кричишь Галилеемъ:
„А все же вертится“.—И мы не умѣемъ
Убить Твоей вѣры и падаемъ ницъ.
И рушатся храмы, и въ прахъ лже-боги
Предъ Мыслью побѣдной ничтожны, убоги!..

Граждане, помогите Правительству!!

1906,
25

пока еще не графъ Дурново укралъ казеннаго овса.

Но вѣдь отъ хорошей жизни не станешь красть, отъ хорошей жизни не станешь мѣнять убѣжденія на каждомъ шагѣ!

Значитъ, имъ жилось не сладко и они вынуждены были силою обстоятельствъ такъ поступать.

Пусть вы правы, что покойный Государь называлъ Дурново „свиньей“.

Но къ чему вспоминать это теперь?

Вѣдь, быть можетъ, онъ уже исправился и не будетъ больше ни красть, ни по-свински поступать съ посланниками.

Босяки, пролетаріи, чиновники и сановники только и дѣлаютъ теперь, что ругаютъ Правительство.

Правительство превратилось въ какую-то плеватальницу, не плюнуть въ которую считается признакомъ дурного тона.

Объ отставкѣ Витте и Дурново всѣ мечтаютъ, какъ о маннѣ небесной.

Особенно несносно себя ведутъ юмористическія изданія, которыя Дурново иначе и не изображаютъ, какъ свиньей, осломъ, овсокрадомъ, наукомъ и имою нечестью.

Самъ Дурново выше всякихъ обидъ.

Но вѣдь у него есть родственники, даже очень много и очень хорошо посаженныхъ родственниковъ! Каково имъ слушать, какъ чествуютъ министра.

Ужъ если не ради самихъ Витте и Дурново, такъ хоть ради ихъ родственниковъ пожалѣйте, граждане, свое обезчещенное Правительство.

Пустяки болтаютъ будто оно само себя не дастъ въ обиду и сумѣетъ защитить себя какими-то доселѣ неслыханными репрессивными мѣрами.

Пустяки болтаютъ будто Реакція у насъ встала на такія прочныя ноги, что ее не столкнешь.

Какая же это Реакція, коли ей въ Парижѣ не вѣрятъ ни на грошъ.

Ѣздилъ Коковцевъ занимать подъ Реакцію 800.000.000 рублей. А удалось выцыганить всего-на-всего 100.000.000 да и то подъ 5¹/₂%!..

Это плохая реакція, которая котируется почти какъ рента.

А рента наша давно уже не котируется, а коотируется, т. е. ведетъ себя какъ низкопробная продажная кокотка.

Конечно, покореніе Москвы подъ ножи—крупный козырь въ рукахъ Правительства,—только отнынѣ Москва можетъ считаться истинно русскимъ городомъ,—но за границей даже этого событія не учли.

И Правительство — въ безпомощномъ положеніи: каждый день Реакціи обходится ему дороже чѣмъ обходился день войны съ Японіей, а денегъ на реакцію нѣтъ.

Послѣ покоренія Москвы графъ Витте воскликнулъ:

— Еще одна такая побѣда и я пойду по міру!..

И пустилъ по міру—Коковцева.

Но этотъ номеръ не прошелъ. Міръ отказалъ русской Реакціи въ денежной поддержкѣ.

Бѣдное Правительство! Сейчасъ на волоскѣ держится его любимое, любезное дѣтище и не сегодня, завтра должно совсѣмъ захирѣть,—нѣтъ денегъ!

Пожалѣйте его, граждане!

Принесите на алтарь Правительства кто что можетъ. А если ничего не можете, по крайней мѣрѣ не ругайте его.

Вспомните церковное пѣснопѣніе:

„Не ругай мене, мати, зряца во гробѣ...“

Граждане, помогите кто какъ можетъ и кто чѣмъ можетъ нашему хилому, блѣдному, бѣдному, безпомощному Правительству!

Пожалѣйте Его!

Вотъ Оно стоитъ передъ вами осмѣяно, обруганно, оплеванно, лишенное довѣрія и у насъ на родинѣ и за границею.

Вглядитесь въ Его лицо. Неужели никакого другого чувства, кромѣ чувства презрѣнія и негодованія не вызываетъ въ васъ Его растрепанный, обшипанный видъ!

Неужели вы въ состояніи напомнить Ему, что сегодня 9 января, т. е. стукнуло ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ Оно впервые вступило на роковую кровавую путь.

Неужели вы и сегодня крикнете Ему:

— Кровопійца!

какъ кричали 365 дней 1905 года!

Неужели у васъ и сегодня повернется языкъ глумиться надъ безпринципностью Витте, надъ вороватостью Дурново, надъ безличностью остальныхъ министровъ, какъ вы глумились въ статьяхъ, карикатурахъ, на съѣздахъ и митингахъ цѣлый 1905 годъ!

Ну, пусть вы правы. Пусть Правительство не должно было адскимъ залпомъ встрѣчать рабочихъ, шедшихъ ко дворцу съ вѣрою, надеждою и любовью подъ прикрытіемъ креста о. Гапона.

Но вѣдь и рабочіе были не правы: они шли толпой, тогда какъ толпиться на тротуарахъ строго воспрещается.

И кромѣ того это дѣло было тогда, когда о четырехъ свободахъ не было и помину.

Пусть вы правы относительно того, что графъ Витте мѣняетъ принципы, какъ перчатки, а

В. Сварт

— Четыре свободы за три копейки.

Бездѣльничало ли Правительство?

Всѣ, кому не лѣнь, бросаютъ Правительству пошлый упрекъ въ бездѣйствіи власти.

Кричатъ:

— У насъ анархія! Правители прячутся одинъ за другого и всѣ за Дурново!.. Цѣлый годъ они пробездѣльничали! Нечѣмъ прошлый годъ вспомнать!..

Пулеметъ не можетъ вынести этой лжи и энергичнѣйшимъ образомъ протестуетъ.

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Не смотря на свою слабость, не смотря на всеобщее несочувствіе и негодованіе за 1905 годъ наше Правительство надѣлало слишкомъ много дѣла, чтобы его можно было упрекнуть въ бездѣйствіи.

Вспомните, что мы имѣемъ къ началу 1906 года въ области внѣшней политики.

Развѣ Москва не наша?

Развѣ Кіевъ теперь не русскій?

Развѣ Финляндія не умиротворена?

Развѣ Польша не присоединена (почти)?

Развѣ Ливонія не завоевывается?

Развѣ мы далеки отъ покоренія Сибири?

Развѣ за горами покореніе Кавказа?..

Развѣ мы не заключили мира съ Японіей?..

То, что дѣлалось тысячеклѣтнѣмъ, наше Правительство сумѣло повторить въ одинъ годъ,— и его обвиняютъ въ бездѣйствіи!

А въ области внутренней политики что мы имѣемъ.

Развѣ не всѣ почти главные города и области уже переведены на военное положеніе!..

Развѣ не всѣ четыре свободы даны намъ, церкви и отечеству на пользу!..

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Развѣ вся внутренняя политика прошлаго года не вылилась въ возгласъ газетчика 18 октября на Невскомъ проспектѣ:

— Четыре свободы за три копѣйки! Четыре свободы за три копѣйки!..

За три (3) копѣйки! — вѣдь это почти ра amour!..

И нашлись недовольные:

— Это что за свободы—безъ начинки вовсе! Зазнались, господа!

Вы хотите, чтобы за три копѣйки вамъ было съ бархатомъ.

Нашлись недовольные и военнымъ положеніемъ.

Неужели стрюцкое положеніе лучше.

Вотъ меня приговорили на годъ въ крѣпость.

Такъ неужели я не долженъ всей душой благодарить палату, что она, снисходя къ моему дворянскому званію, объявила меня на военномъ положеніи!

Неужели стрюцкая тюрьма—лучше!

Нѣтъ, крѣпость—это почетная тюрьма.

И военное положеніе — это почетное положеніе.

Объявляя городъ на военномъ положеніи, Правительство тѣмъ самымъ подчеркиваетъ, что признаетъ дворянское стародавнее происхожденіе за даннымъ городомъ.

Обыватели должны гордиться, что къ нимъ приставленъ почетный караулъ изъ казаковъ. А для Правительства нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ введеніе военного положенія.

Если бы было въ его власти оно и самый Рай объявило бы на военномъ положеніи, хотя тамъ патрулямъ и пришлось бы щеголять безъ одежды.

Но Рай, какъ извѣстно,—на положеніи усиленной охраны.

Четыре свободы и тридцать четыре военныхъ положенія! — и являются люди, которые обвиняютъ Правительство въ бездѣйствіи.

Ей-Богу, на-дняхъ я слышалъ такое сравненіе:

Нева отдѣляетъ сейчасъ двухъ великихъ забастовщиковъ.

На одномъ берегу въ Шлиссельбургской крѣпости—душа всероссійской забастовки, Хрусталева.

На другомъ берегу во дворцѣ—душа правительственной забастовки, графъ Витте.

Будто бы самъ графъ выразился, что Правительство бастуетъ и намѣрено бастовать до Государственной Думы.

Нѣтъ, графъ, вы клеветаете на себя!

Пулеметъ идетъ на защиту васъ отъ вашихъ собственныхъ словъ.

Вы не бездѣйствовали. Вы съ Дурново можете спать спокойно.

Впрочемъ, можетъ быть потому-то вы и можете спать спокойно, что вы не бездѣйствовали.

Да здравствуетъ Правительство!

Говоря объ итогахъ 1905 года я чуть-чуть не позабылъ о главныхъ трофеяхъ, которыми гордится графъ Витте:

— Я искалъ въ обществѣ довѣрія, а нашель динамитъ. Въ Москвѣ разстрѣляли поѣздъ-динамитчикъ, везшій ровно столько адскаго зелья, чтобы разрушить до основанія всю Москву. Въ Петербургѣ — запротоколѣно столько динамита, сколько достаточно для того, чтобы взорвать всю Сѣверную Пальмиру. Вообще во всей Россіи отобрана у динамитчиковъ такая масса динамита, что я не знаю куда его дѣвать и что съ нимъ дѣлать.

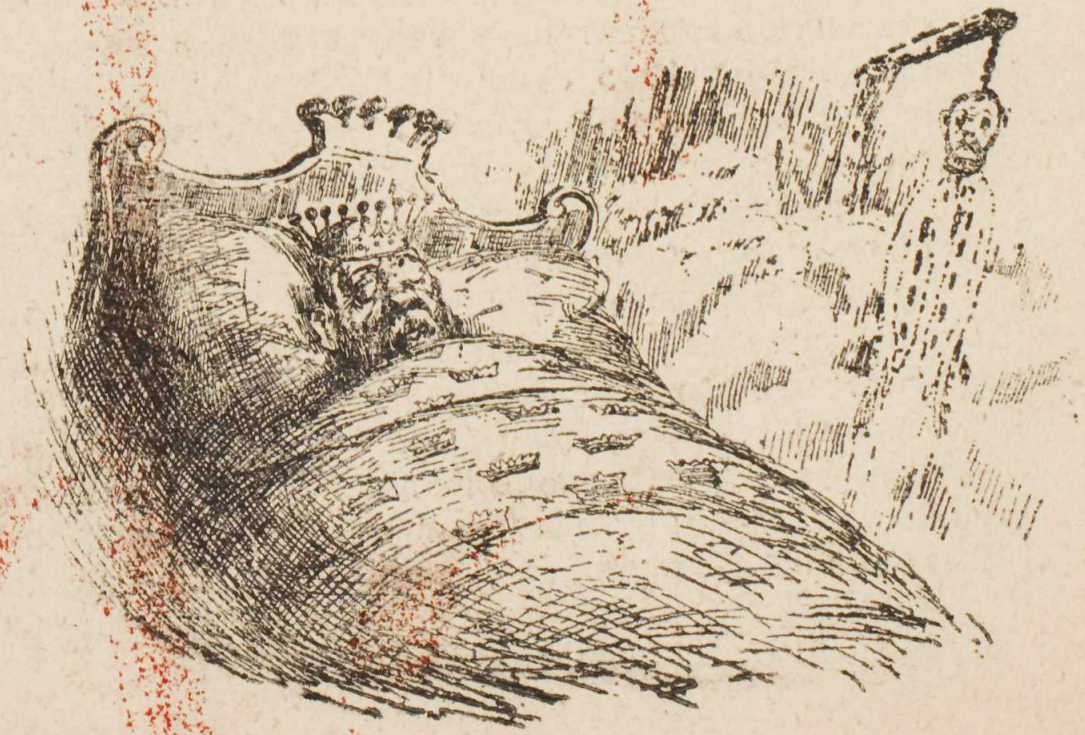
Развѣ не величественную фигуру представляетъ изъ себя старецъ Витте, опирающійся на цѣлую гору динамита!

Динамитъ — душа революціи, душа анархїи, душа террора!

Ну, развѣ мыслимо представить болѣе содержательную картину, чѣмъ статуя премьеръ-министра, воздвигнутая на пьедесталѣ изъ динамита.

Правительство, попирающее душу анархїи.

Благодарное потомство обязано водрузить Витте такой памятникъ.

А. Шанов

Совѣты Пулемета.

Съ сегодняшняго номера Пулеметъ рѣшилъ отдавать всѣ свои силы на служеніе Правительству.

Правительство относится слишкомъ внимательно и предупредительно къ Пулемету.

Пока номеръ печатается, Правительство (Полиція) разъ десять заглянетъ въ типографію.

На-дняхъ мнѣ нужно было переслать пріятелю моему Л. М. Клячко, живущему на той же улицѣ, гдѣ и я, четыре тысячи Пулеметовъ.

Не смотря на то, что Пулеметы были затюкованы и вовсе не имѣли подозрительнаго вида, Правительство въ лицѣ околоточнаго и понятыхъ, нагрянуло къ г-жѣ Клячко ровно черезъ 10 минутъ послѣ доставки груза.

— Потрудитесь раскрыть этотъ тюкъ. Тутъ Пулеметъ.

— А можетъ быть и не Пулеметъ.

— Я знаю,—отвѣтили,—что Пулеметъ. Потрудитесь раскупорить. Иначе мы сами произведемъ обыскъ.

Раскупорили. Понюхали—Пулеметъ. И прочь пошли.

Если Правительство за каждой тысячью моего Пулемета слѣдитъ такъ дѣятельно и энергично, значить оно интересуется имъ, значить оно считается съ его мнѣніемъ. Дорожить имъ.

А если такъ, значить долгъ Пулемета дѣлиться своими мнѣніями, совѣтами, изобрѣтеніями, идеями и пр., и пр. съ Правительствомъ.

Отнынѣ Правительство и Пулеметъ мы пойдемъ въ ногу.

Отнынѣ же Пулеметъ заводитъ отдѣлъ „Совѣты Правительству“.

I. Что дѣлать съ арестованнымъ динамитомъ?

Мнѣ передавали, что графъ Витте какъ финансистъ думаетъ провести внѣшній заемъ подъ залежи динамита, открытыя имъ. Говорятъ, что Коковцевъ ѣздилъ въ Парижъ съ образцами динамитной руды въ карманѣ.

Другіе увѣряли, что графъ намѣренъ заняться экспортомъ динамита, какъ новой отрасли отечественной промышленности.

Наконецъ третьи думаютъ, что теперь, когда въ Россіи гораздо больше и на большую сумму динамита, чѣмъ золота (динамитъ приливаетъ, а золото отлиываетъ за границу), графъ мечтаетъ о введеніи взамѣнъ золотой валюты—динамитной валюты и уже имѣлъ по этому поводу совѣщаніе съ Треповымъ, Дубасовымъ и Дурново.

Динамитная валюта—это звучитъ гордо!

Но не представить ли это опасность, что въ одинъ прекрасный день вслѣдствіе нечаянно брошеннаго близъ государственнаго казначейства окурка вся наша валюта взорвется на воздухъ.

Золотая валюта тоже готова взорваться на воздухъ.

Но золото воспламеняется не такъ быстро, какъ динамитъ.

Вотъ почему Пулеметъ высказывается противъ финансовыхъ операций съ динамитомъ.

Если на кредиткѣ будетъ напечатано:

„I. Размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на патроны обеспечивается всѣмъ достоинствомъ Государства.“

II. Государственные кредитные билеты имѣютъ хожденіе по всей Имперіи наравнѣ съ динамитомъ...“

Это не сдѣлаетъ бумажный рубль любезнѣе сердцу обывателя и не подниметъ курса за границей.

Я совѣтую Правительству распорядиться динамитомъ иначе,—съ назидательной цѣлью.

У меня два проекта.

1) Назиданіе потомству—воздвигнуть, какъ я выше сказалъ, памятникъ изъ динамита графу Витте съ надписями:

„Симъ побѣдиши“.

„Останавливаться воспрещается“.

„Просятъ не курить“,

и усиленнымъ нарядомъ пожарныхъ съ кишками наготовѣ.

2) Назиданіе современникамъ—свезши весь динамитъ на Марсово поле, свалить въ одну громадную гору и всенародно (въ первые ряды доступъ по билетамъ, въ послѣдніе—бесплатный) сжечь оный преступный динамитъ на медленномъ, но вѣрномъ (Правительству) огнѣ. Такое ауто-да-фе воочію убѣдитъ народъ русскій, какіе неизгладимые матеріальные уроны понесла Русская Революція. Уже сама фееричность процедуры сжиганія должна произвести на присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе и поднять авторитетъ власти на должную высоту.

II. Какъ разоружить населеніе?

Принимая во вниманіе, что частичными или даже поголовными обысками и конфискаціей револьверовъ не достигается цѣль совершеннаго разоруженія населенія, ибо на мѣсто конфискованнаго обыскомъ немедленно покупали новый еще болѣе дальнобойный типъ оружія, признаю необходимымъ издать слѣдующія временныя правила о неимѣнн при себѣ денегъ:

1. Строжайше воспрещается обывателямъ ношеніе при себѣ и храненіе въ квартирѣ денегъ и цѣнныхъ вещей на сумму свыше 3 рублей одновременно.

А. Шанов

Ее на высококожъ крестъ распахали.

"Вуцеломъ", 1906, н 5.

2. Вся деньги и ценные вещи немедленно должны быть сданы под роспись в Государственное Казначейство.

3. Обывателям предоставляется право ходатайствовать в установленном порядке о ежедневной выдаче из сих внесенных в Казначейство сумм известной, строго определенной части, потребной для удовлетворения суточных неотложных расходов.

4. Для получения сих суточных сумм требуется представление в Казначейство удостоверения личности, свидетельство об оспопрививании и политической благонадежности, сметы предполагаемых суточных расходов с точным поименованием предметов пищевого и вещевого довольствия, в коих настоять неотложная необходимость.

5. Виновные в расходовании отпускаемых из Казначейства суточных сумм не на те предметы, кои точно поименованы в сметах, привлекаются к уголовной ответственности.

6. В случае покупки на эти суточные средства револьверов, ружей, пушек, пулеметов и иного рода оружия виновные, кроме уголовной ответственности, подвергаются и конфискации всех денег и ценных вещей, лежащих на их имя в Государственном Казначействе.

7. По желанию суточные деньги могут ежедневно доставляться артельщиками Казначейства на дом.

Только тогда и получится полное разоружение обывателей, когда будут лишены всякой возможности приобретать оружие, т. е. когда будет удален корень всякого приобретения — деньги.

Проектируемые мной временные правила кроме стратегического имеют еще и громадное финансовое значение.

Они привлекут к государственному Казначейству небывалое количество золота и дадут возможность Правительству обойтись вовсе без внешнего займа.

Лица, кои сомневаются в практической осуществимости моего проекта, отсылаю в баню.

Великие идеи часто приходят в бане: Архимед в бане открыл закон о всемирном тяготении, который, к слову сказать, сначала был назван «временными правилами о всемирном тяготении».

Меня на мои временные правила натолкнуло объявление, висящее на стенке при входе в баню:

«Деньги и ценные вещи сдавать кассиру».

Раз в банях временные правила о неимении при себе денег нашли практическое осуществление, почему они не могут найти его и в государстве.

III. Чем помочь сыску?

Следует немедленно во всех отделениях и выделенных охранного отделения, сыскной полиции, корпуса жандармов и полицейских участках ввести курсы бритологии. Бритология это наука, имеющая целью без промаха распознавать политически неблагонадежных лиц даже в том случае, когда ими приняты все меры до бритья включительно. Сбривание усов и бороды коренным образом изменяет инкриминируемое лицо. Вследствие этого возможны — и нередко — случаи, как имевший дело на днях.

Полицией был задержан артист Лидия Борисовна Яворской г. Лерский по подозрению в том, что он — Милюков. У г. Лерского лицо бритое. Милюков же усат и бородат. Но полиция, не имея под ногами прочной бритологической подготовки, предположила, что милюковье лицо, если его побрить, должно сделаться именно таким, как у Лерского.

Тщетно Лерский опирался на паспорт, чтобы доказать, что он не Милюков. Полиция не верила даже паспорту, найдя и его бритым.

— Чем же еще я могу вам доказать, что я не Милюков! Единственное преступление, которое я за собой сознаю — это участие в «Еврейке», где произвожу погром, и в «Попугае», где пою марсельезу...

ПУЛЕМЕТЬ ШЕБУЕВА.

— Мы вас продержим до тех пор, пока у вас не вырастет борода и усы. Тогда только, убедившись, что они не похожи на милюковьи усы и бородку, отпустим с миром.

Чтобы впредь не повторялось таких прискорбных случаев, когда в заточении томятся Лерские, а в это время преступные Милюковы преспокойно рассказывают по городу, пользуясь всеми четырьмя свободами, я предлагаю во всех участках вывесить наглядные бритологические таблицы.

Пусть городские, дворники и сыщики изучают внимательно как изменяется преступное лицо по удалении с него политически неблагонадежных усов и бороды.

Бритология же указывает и как изменяется преступный субъект, который досель ходил бритым, но с целью сокрытия личности отпустил себе бороду и усы.

Но еще больше чем за введение бритологии я высказываюсь за немедленное повторение закона Петра Великого.

«Всякий обыватель да брит».

Правительство должно немедленно запретить всем русским верноподданым и тем иностранцам, кои живут на территории покоренных и присоединенных русских земель, ношение бороды и усов, как предметов, способствующих сокрытию личности и затрудняющих сыск.

IV. Где найти денег для спасения отечества?

Неудача Коковцева во Франции не должна обезкураживать Правительство.

Если бы Витте своевременно посоветовался со мной, не получился бы этот всемирный конфуз.

Я сказал бы:

— Отнюдь не посылайте Коковцева ни в Англию, ни в Германию, ни в Сербию, ни во Францию.

— Как! Но ведь Франция нам близка!

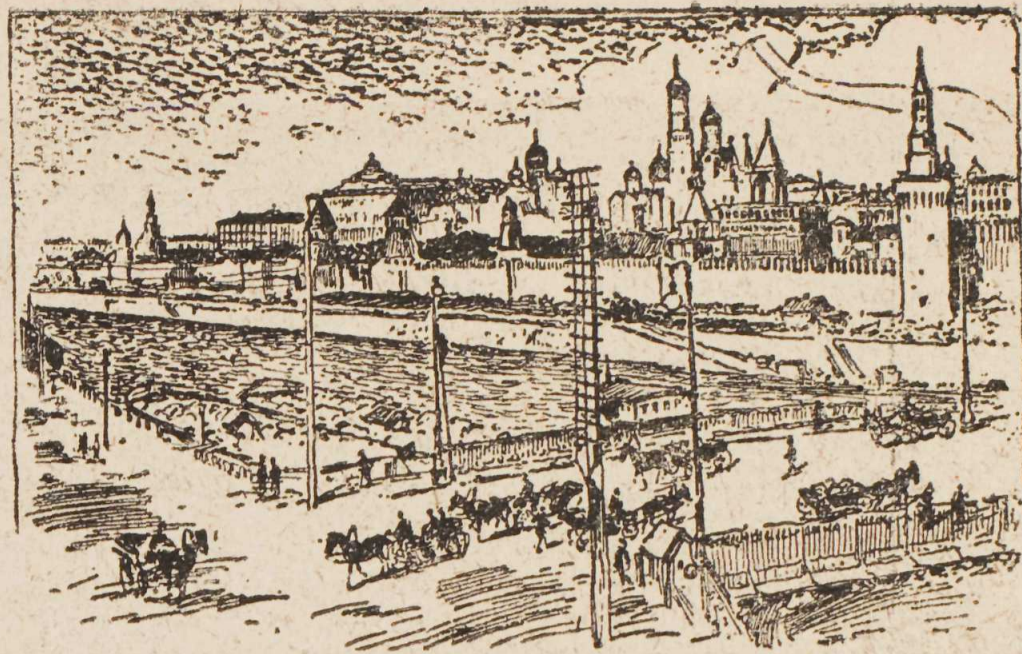
— Именно потому-то и не посылайте Коковцева в эти страны, потому что — близки к нам. Там нас близко знают и денег не дадут.

Мой совет немедленно увеличить Коковцеву суточные и прогонять и командировать в одну из самых отдаленных от России стран, в кои восток о современном положении вещей в нашем отечестве еще не достигла.

Например к людоедам.

Если ты знаешь, что там, где тебя знают, тебѣ не дадут, — иди туда, где тебя не знают.

Пусть граф Витте поймет, что для блага отечества не следует гнушаться даже людоедами. Не гнушается же он казаками.

Поезд-злоумышленник.

Святочный рассказ графа С. Ю. Витте.

Было это дело в субботу.
Кончили мы с Милюхой работу...
Лесня.

...по направлению к Николаевскому вокзалу шел пущенный полным ходом поезд с двумя вагонами динамита, который при взрыве должен был уничтожить по крайней мере пол-Москвы. Мы об этом узнали своевременно и параллельно с этим поездом пустили воинский поезд, из которого солдаты разстреливали на протяжении нескольких верст преступный локомотив, чтобы его остановить.

Команда, отправлявшаяся на этом поезде, шла положительно на верную смерть.

К счастью, локомотив удалось разстрелять, ни одна из искр его не попала в вагон с динамитом и поезд встал не доезжая Москвы. Локомотив обезоружили, и предали военно-полевому суду и приговорили к смертной казни, через повешение. Динамит же конфис...

(Из беседы гр. Витте с председателем центрального комитета партии 17 октября бароном Н. Л. Корфом 26 декабря 1905 года).

РАНЬШЕ ЛУЧШЕ.

Брань на вас несется градом:
Вас ругать считают спортом,
Вас крестят то овсокрадом,
То свиньей, ослом или чортом...
Вы едва моргнете глазом,
А на вас карриатуры
В двадцати журналах разом...
Вот что значит нет цензуры!..
Нет, ей-Богу, раньше жили
Втрое лучше, если вникнуть...
Об овсе бы запретили
Циркуляры даже пикнуть,
Не трещали бы, как шарманка,
О „поступке некультурном“...
Даже слово бы „овсянка“
Почиталось нецензурным!..

Изобрѣтенія Пулемета.

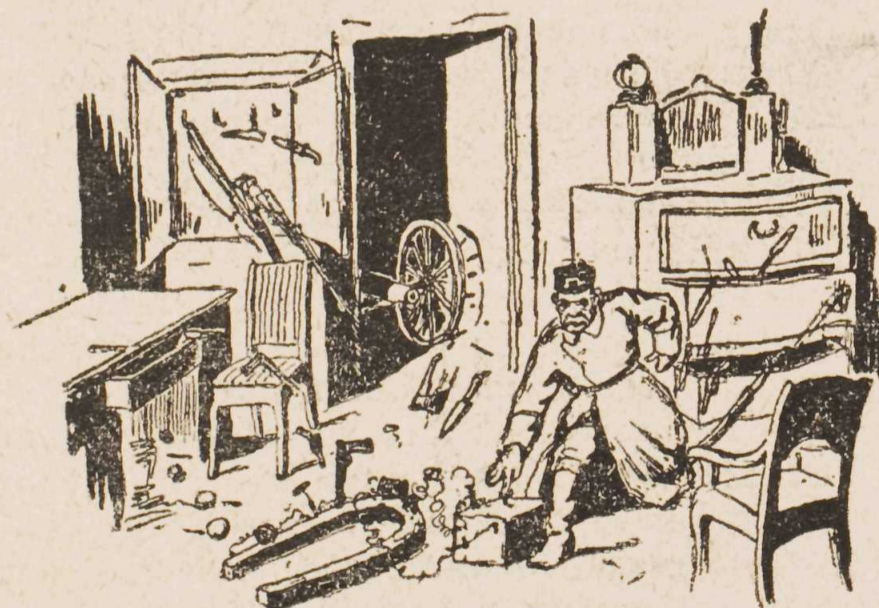
Идя на встрѣчу потребности Правительства въ усовершенствованіи способовъ обыска Пулеметь предлагаетъ свои послѣднія изобрѣтенія.

I. Автоматическій разоружигель.

Этотъ аппаратъ представляетъ изъ себя особымъ образомъ приспособленный къ обнаруженію стальныхъ предметовъ чрезвычайно сильный электромагнитъ. Городовой входитъ въ любую квартиру, нажимаетъ кнопку и всѣ револьверы, кинжалы, ножи и т. п. политически неблагонадежныя стальные вещи моментально притягиваются къ аппарату.

Сила притяженія такъ велика, что преодолеваетъ внѣшнія сопротивленія вродѣ замковъ, ящиковъ и т. п. Какъ бы глубоко и тщательно не былъ спрятанъ револьверъ, онъ все равно найдетъ себѣ дорогу къ аппарату, при чемъ какъ по щучьему велѣнію раскрываются ящики, футляры, ломаются замки, раздвигаются вещи, стоящія инкриминируемому оружію по дорогѣ.

II. Патентованный платьесниматель.

Этотъ аппаратъ посредствомъ системы шнурковъ и пружинъ, будучи пристегнутъ къ любому костюму, даетъ возможность сдернуть его моментально, чѣмъ въ зна-

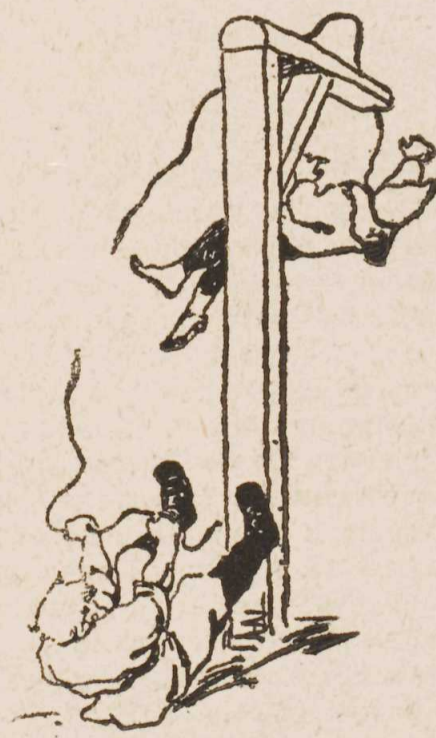
чительной степени облегчается и ускоряется производство обысковъ на улицѣ.

III. Висѣлица „Пулеметь“.

Признавая всю основательность жалобы политическихъ преступниковъ:

— Въ Россіи даже повѣсить какъ слѣдуетъ не умѣютъ!

И считая обыкновенную висѣлицу ординарку (эгоистку) аппаратомъ непрактичнымъ, неэстетичнымъ, Пулеметь рекомендуетъ Правительству усовершенствованную висѣлицу—„Пулеметь“.

Мнѣ удалось примѣнить идею десятичныхъ вѣсовъ къ устройству десятичной висѣлицы, преимущества которой надъ висѣлицей эгоисткой видны изъ прилагаемаго рисунка.

Обращаемъ особое вниманіе Правительства на чистоту и легкость работы десятичной висѣлицы „Пулеметь“. Одинъ рабочій въ сутки на висѣлицѣ стараго типа съ трудомъ можетъ повѣсить 23—24 политическихъ преступника.

На десятичной же висѣлицѣ за сутки отработывается отъ 300 до тысячи труповъ.

При этомъ повѣшенные на висѣлицѣ „Пулеметь“ лица въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ на лицѣ предсмертную улыбку, тогда какъ висѣлица-эгоистка безобразитъ лицо гримасой.

Деньги.

„Что такое время?“ я спросилъ у братій...
Л. Мей.

„Что такое деньги?“ я спросилъ у братій. Но сквозь плачь и скрежетъ, но сквозь стѣну проклятій, Но сквозь смѣхъ и пѣсни, но сквозь звонъ оковъ Услыхалъ я много непонятныхъ словъ: „Деньги—это пѣсни, говорятъ поэты: „—Звучныя кантаты, стройные сонеты...“ „Деньги“, говорятъ прозаики „—кумиръ, „Предъ которымъ клонить голову весь міръ...“ „Деньги“, говорятъ философы: „—та сила, „Что не мало горя людямъ приносила...“ „Деньги“, говорятъ артисты: „—гонораръ „За высокихъ нашихъ вдохновеній жарь...“ „Деньги“, молодежь мнѣ отвѣчаетъ хоромъ: „Видны лишь на мигъ, подобно метеорамъ...“ „Намъ давно ужъ всѣмъ вошло и въ плоть и въ кровь. „Деньги—это счастье, слава и любовь!..“ Наконецъ, меня наивнымъ назовите, Я съ вопросомъ тѣмъ же обратился къ Витте: „Что такое деньги?“ Ну, а графъ въ отвѣтъ: „Деньги—то, чего у насъ въ Россіи нѣтъ...“

Eiat policia,—percat mundus!

Вступивъ на новую стезю— братской помощи Правительству, Пулеметь съ особымъ удовольствіемъ перепечатываетъ изъ „Молвы“ мою статью о полиціи.

Съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія прочелъ я о приказѣ градоначальника, относительно мѣръ къ обезоруженію Петербурга.

Чинамъ полиціи приказано: — Ищите и обрящите!

При чемъ, если они будутъ только искать и при этомъ ничего не обрѣтутъ—будутъ увольняться, если же будутъ искать и обрѣтутъ—будутъ получать: за бомбу 3 руб., за револьверъ 1 рубль, за ножи, вилки и другое оружіе по 50 коп. награды. Сколько будутъ

получать за пулеметы и мортиры—не сказано. Тоже вѣроятно по таксѣ, которую вырабатываетъ какая-нибудь коммиссія.

Всѣ чины полиціи, не исключая дворниковъ и швейцаровъ, обязаны обыскивать всѣхъ вообще подозрительныхъ лицъ, не стѣсняясь ихъ положеніемъ.

Кромѣ уличныхъ обысковъ будутъ производиться обыски по квартирамъ.

Какъ не порадоваться за полицію, которая къ праздникамъ получила такой прекрасный подарокъ. Какъ не порадоваться за полицію, которую за послѣднее время не ругали и ни лягали только лѣнныи.

Даже покойный „Гражданинъ“ и тотъ помѣстилъ по адресу полиціи громовую статью, гдѣ доказывалъ, что „наша полиція безнравственна и безграмотна, и не можетъ не быть безнравственной и безграмотной“.

Взять, напримѣръ, современное положеніе уѣздной полиціи,—оно „дольше терпимо быть“ не можетъ, одно изъ двухъ: или ее надо упразднить, или возвести на должную высоту, такъ какъ нѣтъ ничего и не можетъ быть ничего безнравственнѣе для государства, какъ имѣть безнравственную полицію, искусственно создавая ее такою уплатою нищенскаго содержанія, но давая въ то же время прочную власть и ставя ее же цензоромъ общественной нравственности...“

Князь Мещерскій видитъ причину безнравственности полиціи исключительно въ экономическихъ условіяхъ.

Еще бы: Исправникъ получаетъ въ годъ 1,470 рублей, тутъ и на папиросы, тутъ и на все. Помощникъ исправника 980 рублей. Секретарь управленія 490 рублей. Два столоначальника по 295 руб. Становые пристава по 578 рублей. Полицейскіе надзиратели по 392 р.

„Спрашивается, не рассчитаны ли такіе трагикомические склады въ предположеніи на возможность заняться „частной практикой“, какъ для докторовъ. Не безнравственны ли такіе оклады, поневолю наталкивающие на такую „частную практику“?“

Изъ мертвыхъ цифръ князь выводитъ живой выводъ: „Рѣдко кто найдется изъ развитыхъ людей, кто бы согласился принять такую должность, развѣ чловѣкъ съ хорошими собственными средствами, или очень молодой или небрежующій и побочными доходами“.

Но чловѣкъ съ хорошими средствами врядъ ли пойдетъ въ полицію, потому что—„будь онъ скромнѣйшій и честнѣйшій чловѣкъ, его тѣмъ не менѣе всегда подозрѣваютъ въ доходахъ далеко небезгрѣшныхъ“,—разсуждаетъ „Гражданинъ“.

Чловѣка же „очень молодого“ не возьмутъ, потому что онъ можетъ натворить такихъ дѣловъ по молодости своей, что ихъ потомъ до старости не расхлебашь. А потому въ нашу полицію идутъ... „исключительно изъ категоріи небрежующихъ“.

Такая аттестация, выданная полиціи самимъ шефомъ полиціи княземъ Мещерскимъ, должна была ее очень сильно уязвить и опечалить.

Аттестация же прочихъ, не столь солидныхъ и почетныхъ газетъ, какъ „Гражданинъ“, были и еще того неприятнѣе.

Само собою понятно, какъ тяжело было на душѣ у полиціи, видя, что не только л бералы, но и такой консерваторъ, какъ князь Мещерскій, честятъ ее по всякому.

Необидчивая штука—полицейскій чиновникъ, а онъ обидѣлся. Но больше всего обижала чиновъ полиціи боязнь, какъ бы подъ лучемъ разоблаченій не растаяли безгрѣшные и побочные доходы. Многие уже начали об отставкѣ подумывать, не видя впереди никакого просвѣта и замѣчая, напротивъ, какую-то вялость въ выплачиваніи обывателями обычныхъ оброчныхъ статей.

Рука дающаго оскудѣла.

И рука берущаго тоже, слѣдовательно, оскудѣла.

Плохо пришлось. Но вотъ на фонѣ этого мрачнаго оскудѣнія появился приказъ градоначальника, дающій возможность обшаривать карманы и дома обывателей.

— Какой просторъ!—воскликнула полиція.

Эта превосходная по основной идеѣ статья была испорчена мной такимъ неожиданнымъ и неприличнымъ концомъ:

— Какой позоръ!—воскликнетъ общественное мнѣніе.

Обыватель вѣрнется со всѣми потрохами, со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ „нашей полиціи, безнравственной и безграмотной“, которая „и не можетъ не быть безнравственной и безграмотной“.

Безнравственный и безграмотный полицейскій будетъ рѣшать подозрительное ли у васъ лицо, и если рѣшить, что подозрительное, полѣзетъ къ вамъ въ карманъ (если вы передъ тѣмъ сами не полѣзете къ себѣ въ кошелекъ, что бы откупиться).

Безнравственный и безграмотный полицейскій вернется въ вашъ домъ, въ любое время дня и ночи, чтобы нажить на вашемъ устричномъ ножѣ цѣлковый—(или нѣсколько цѣлковыхъ, если вы не захотите, чтобы былъ протоколъ составленъ, и пожелаете откупиться).

Всѣ Петербургъ будетъ данъ на откупъ полиціи. Всѣ стануть откупаться.

И это называется мѣрою къ разоруженію населенія.

Нѣтъ, это мѣры къ самому серьезному вооруженію населенія. Населеніе вооружится острою ненавистью, гнѣвомъ, оидою къ петербургской администраціи, которой лавры Дубасова не дадутъ покоя...

Приношу свое искреннее раскаяніе по поводу появленія подобныхъ строкъ въ печати за моей подписью.

Теперь бы я ни за что не написалъ ихъ, потому что рѣшилъ итти на помощь Правительству.

А Полиція—это то же Правительство—это та же Полиція.

Теперь я отвѣтилъ бы князю Мещерскому и инымъ хулителямъ Полиціи, недовольнымъ расширеніемъ околоточныхъ правъ:

— Ну, хорошо, пусть вы правы, что наша Полиція живетъ взятками и обыски сдѣлаютъ взятки еще болѣе продуктивными. Но вы забываете основное прекрасное качество нашей полиціи, которая позволяетъ обывателямъ не беспокоиться за свою участь:

У Полиціи—душа мѣру знаетъ.

ТОСТЪ.

Господа! Въ Татьянинъ день
Тостъ за русскую науку!
Пейте всѣ, кому не лѣнь!
Подставляй съ стаканомъ
руку!
Пиво, водку и вино
Что жъ ты пьешь, collega,
скупо?
Разсуждать сегодня глупо,
А безумствовать—умно...

Почему ты хмурь тань,
братъ,
Иль кипитъ обиды кратерь,
Что почетный взводъ сол-
датъ
Окружаетъ Alma Mater!
Смѣло пей стаканъ до дна,
Не скрипи ты, какъ телега...
Иль забылъ, что намъ, collega,
Автономія дана!...

РАЗОРУЖЕНІЕ.

На улицѣ.

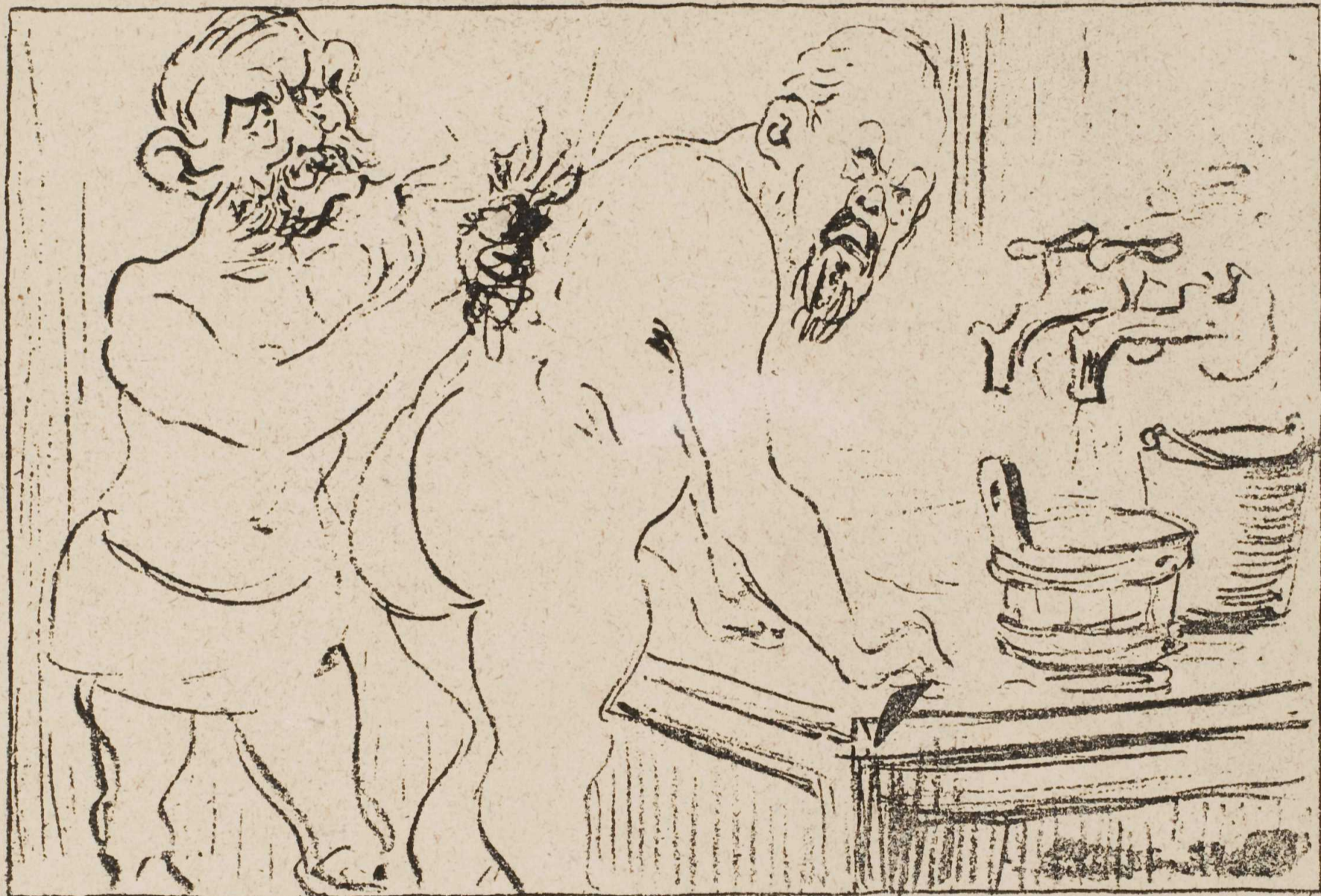
Въ магазинѣ.

Дома.

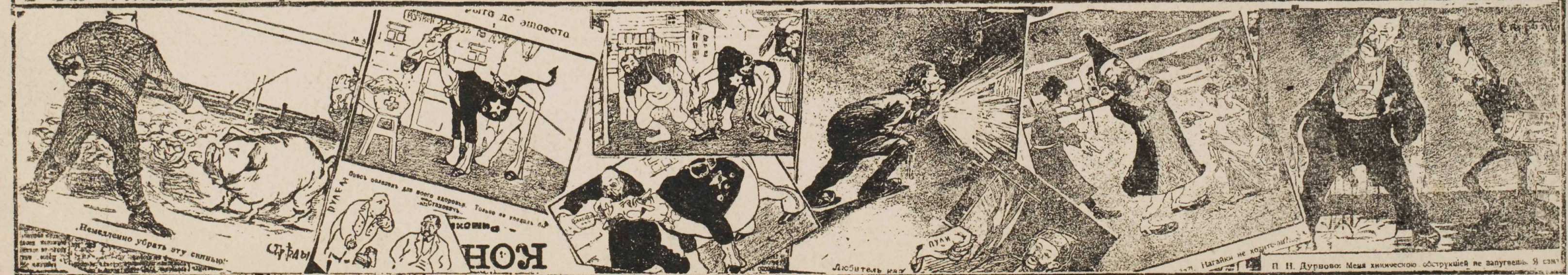

На кухнѣ.

— А ты малость полегче три... Этакъ всю кожу сдерешь... Миѣ больно...

Курько и Ротко

У баррикады. — Конецъ.

Пулеметь объявляетъ конкурсъ на сочиненіе взамѣнъ марсельезы русскаго гимна. Первая премія — 100 р., вторая — 50, третья — 25. Требуется, чтобы сочиненіе было написано и à capella и для рояли. Срокъ подачи сочиненій 1 февраля.

Жюри будетъ состоять изъ А. И. Зилоти, А. К. Глазунова, А. К. Лядова, Н. А. Римскаго-Корсакова и Н. Г. Шебуева.

Высылаются наложеннымъ платежемъ слѣдующія книги Н. Шебуева: 1) Негативы изъ „Руси“; 2) „Безъ предварительной цензуры“, — 35 юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Грабовскаго), 3) Жизнь въ присядку — альманахъ; 4) „Кронштадтскія письма“; 5) „Японскіе вечера“; 6) Негативы изъ „Русскаго Слова“. Цѣна каждой книги 1 рубль. — Адресъ: Ковенскій, 14, Пулеметь.